

*Люди проходят через такую боль лишь
однажды; боль приходит снова, но оседает
уже на твердую почву.*

*Уилла Кэсер
«Песня Жаворонка».*

Глава первая

Когда она вернулась домой, таймер в форме яйца стоял на коврике перед дверью.

Хэйли Уайтхолл бросила взгляд через плечо, словно ожидая увидеть кого-то за своей спиной. Вдали красный комбайн катился по желтоватому кукурузному полю. Это отец. Время урожая. Ее мать — зубной техник единственной стоматологии в городе — тоже была еще на работе. Кто из них оставил тут таймер? Гниющие доски крыльца прогнулись и заскрипели, когда Хэйли нагнулась, чтобы поднять его. Таймер прозвенел в руке. День стоял холодный, но пластиковое яйцо было чуть теплым.

Вдруг зазвонил телефон. Конечно же, Брук.

— Как кровь? — спросила Хэйли.

Ее лучшая подруга застонала:

— Кошмар.

Хэйли зашла внутрь, с грохотом закрыв дверь с сеткой от насекомых.

— Есть шансы, что миз¹ Колфакс откажется от этого? — Она отправилась напрямиком на кухню, по пути

¹ Обращение к женщине в англоязычных странах. Может быть применено как к замужней, так и незамужней женщине, если ее статус не определен.

сбросив рюкзак на пол из черно-белых плиток. *Еда*. Сегодняшняя дневная репетиция оказалась особенно напряженной.

— Никаких, — фыркнула Брук. — Она никогда не откажется. Кому нужен здравый рассудок, когда есть амбиции?

Хэйли поставила таймер обратно на кухонный стол, на его законное место, и открыла холодильник.

— Я, конечно, за амбиции. Но! Мне правда не хочется утонуть в кукурузном сиропе.

— Если бы у меня были деньги, я бы сама наняла работников. Чувствую, уборка в зале станет настоящим адом, даже несмотря на пластиковые покрытия и брезент.

В большей части постановок «Суинни Тодда»¹ использовалось хоть немного ненастоящей крови: бритвы со спрятанными пузырьками, на которые нужно нажать, гелевые капсулы во рту, дополнительный слой одежды, чтобы спрятать заранее испачканную кровью рубашку. А еще кровопролитие можно было изобразить с помощью алых занавесок, красного освещения или безумного крещендо визжащих скрипок.

К сожалению, у режиссера их школьного мюзикла, миз Колфакс, была неистощимая тяга к драме во всех ее проявлениях. Прошлогодняя постановка «Питера Пена», для которой она арендовала настоящие устройства для полетов на сцене аж в Нью-Йорке, закончилась переломами как для Венди, так и для Майкла Дарлингга. В этом году миз Колфакс хотела, чтобы демон-парикмахер не просто резал глотки своим клиентам, а залил их

¹ «Суинни Тодд, демон-парикмахер с Флит-стрит» — мюзикл, в основе которого лежат городские легенды о серийном убийце Суинни Тодде.

кровью первые три ряда — она называла эту часть зала «поясом брызг».

Брук назначили помощником режиссера. Это была большая честь, конечно же, но вместе с тем на нее свалилась невыполнимая задача попытаться направить миз Колфакс на путь здравомыслия. И удавалось это плохо.

Хэйли, прижимая телефон к уху плечом, достала упаковки с нарезкой индейки и сыром проволоке, пакет уже помытого латука и баночку соуса Miracle Whip.

— Шайна, должно быть, вне себя.

— Шайна точно вне себя, — повторила Брук.

Шайна была темпераментным и зачастую неуравновешенным дизайнером костюмов. В сельской Небраске и так достаточно сложно найти достойные костюмы, а теперь ей еще предстояло отстирывать их от крови.

— Бедная Шайна, — Хэйли положила продукты на стол и потянулась за пшеничным хлебом с травами, который ее мама испекла прошлым вечером. Для мамы это был способ расслабиться.

— Бедная я, — сказала Брук.

— Бедная ты, — согласилась Хэйли.

— И как сегодня Джонатан? Получше?

Хэйли помедлила:

— Ты разве не знаешь?

— Я тестировала брызги на парковке.

Хэйли играла миссис Ловетт — главную женскую роль, а бойфренд Шайны Джонатан играл Суинни — главную мужскую. Хэйли получала ведущие роли в драматическом кружке и сольные партии в хоре последние два года. И как актриса, и как обладательница мощного контральго, она была лучше своих сверстников. Природный дар, который сложно не заметить.

Джонатан же был... выше среднего. И обладал харизмой, помогавшей ему на сцене. Однако этот мюзикл

оказался выше его способностей. Ему неделями не удалось справиться с *Eriphany*, самой сложной сольной песней. Джонатан передвигался по сцене с плавностью человека, постоянно наступающего на грабли в сарае, но и это не шло ни в какое сравнение с тем, что он просто уничтожал дуэты.

Брук, кажется, почувствовала, что Хэйли не хочет сплетничать.

— Да ладно тебе. Если не расскажешь, ты лишь заставишь меня чувствовать вину за болтовню обо всех остальных.

— Дело в том, что... — Хэйли намазала соус на хлеб и бросила грязный нож в раковину — потом помое.

— Мы потратили целую репетицию на *A little priest*. И даже не на всю сцену! Повторяли несколько строк снова, и снова, и снова. Два чертовых часа.

— Ох.

— Помнишь ту часть, где мы одновременно поем разные строчки? Наши голоса должны словно наткаться друг на друга в возбуждении.

— Когда Суинни наконец понял, что миссис Ловетт хочет избавляться от жертв, выпекая из их плоти пирожки? — в голосе Брук послышалась злоеющая ухмылка.

— Это была катастрофа. — Хэйли отнесла тарелку в гостиную и стала ходить по комнате. — Не думаю, что у Джонатана получится. То есть я серьезно считаю, что его мозг *не справится*. Он не может петь вместе с кем-то, он может хорошо звучать...

— Вроде как.

— Вроде как, — согласилась Хэйли. — Но если кто-то поет параллельно, он все время останавливается и начинает заново. Словно пытается справиться с аневризмой.

Брук засмеялась.

— Вот почему я ушла пораньше. Чувствую себя такой стервой, но я больше не могла это терпеть.

— Никто никогда не назвал бы тебя стервой.

Хэйли откусила огромный кусок индейки. Сохранить равновесие — удерживать телефон, держать тарелку, есть сэндвич и ходить по комнате — было не просто, но от волнения она этого не замечала.

— Джонатан бы назвал.

— Не стоило отдавать Джонатану эту роль.

— Думаешь, надо позвонить ему и извиниться?

— Нет. *Нет*. За что?

— За резкость.

— Ты не виновата, что он не может справиться с Сондхаймом.

Брук права, но Хэйли все еще было стыдно из-за своей вспышки гнева. Из-за того, что ушла с репетиции. Она плюхнулась на древний вельветовый диван, одну из множества домашних реликвий, доставшихся от бабушки и дедушки, и вздохнула. Брук сказала что-то еще в знак солидарности, но именно в этот момент телефон Хэйли поступил как обычно — решил отрубиться.

— Что ты сказала? Связь прерывается.

— Так позвони мне с домашнего.

Хэйли глянула на беспроводной телефон, стоящий на краю стола всего в метре от нее.

— Да уже все нормально, — солгала она, не желая тянуться за трубкой.

Брук вновь заговорила о своих сложностях как помощника режиссера, и Хэйли, услышав лишь треть гневной тирады подруги, позволила себе отвлечься.

Она посмотрела в окно и доела сэндвич. Солнце висело низко над горизонтом, освещая кукурузное поле, из-за чего хрупкие стебли казались мягкими и пунырыми. Отец все еще там. *Где-то там*. В это время

года нельзя упустить ни один луч света. Мир казался заброшенным — полная противоположность громкой, яркой группе ребят-энтузиастов, которую она оставила в школе. Ей не нравилось тихое изматывающее одиночество, наполнившее дом. Хэйли стояла и сочувствующе поддакивала в трубку, хотя и не знала, чему именно. Она вернула тарелку на кухню, смыла крошки и открыла посудомойку. Внутри — только грязный нож. Хэйли взглянула на пустую раковину и нахмурилась, отчего между бровями пролегла морщинка. Она поставила тарелку в посудомойку и покачала головой.

— Даже если мы сможем настроить распылитель, — говорила Брук (связь внезапно стала лучше), — я не уверена, что люди вообще захотят сидеть в первых рядах. То есть кто пойдет в театр, чтобы надеть дождевик и быть залитым кровью?

Хэйли почувствовала, что подруге нужно было услышать слова поддержки:

— Это же Хэллоуин. Люди купят билеты. Решат, что это весело. — Она сделала шаг к лестнице, ведущей к спальне, но споткнулась о маленький твердый предмет. Он прокатился по плиткам пола со звоном и треском и врезался в дверь кладовки.

Таймер в виде яйца.

Сердце Хэйли на мгновение замерло. Кожу начало неприятно покалывать, пока она двигалась к двери кладовки, которую кто-то из родителей оставил открытой. Хэйли закрыла ее, толкнув пальцами, и медленно подняла таймер, словно тяжелую гирию. Она могла бы поклясться, что оставила его на столе, но, должно быть, уронила на пол вместе с рюкзаком.

— ...все еще слушаешь?

Голос Брук едва достигал ее ушей.

— Прости.

— Я спросила, слушаешь ли ты все еще меня?

— Прости, — повторила Хэйли и уставилась на таймер. — Видно, я устала сильнее, чем думала. Наверное, пойду посплю, пока мама не вернется домой.

Подруги попрощались, и Хэйли засунула телефон в передний карман джинсов. Затем поставила таймер обратно на кухонный стол. Таймер был гладким и белым и выглядел вполне безобидно. Но Хэйли не могла понять, почему именно от этой чертовой штуковины ей было не по себе.

Она поднялась наверх и, сбросив с ног кеды, сразу же устало упала на кровать. Хэйли была слишком измотана, чтобы развязывать шнурки. Телефон уперся ей в бедро. Она вытащила его из кармана и положила на прикроватный столик. Лучи закатного солнца проникали через окно под идеальным, раздражающим углом, отчего Хэйли поморщилась и перевернулась на другой бок.

И сразу же заснула.

Хэйли резко проснулась. Сердце стучало, в доме царил темнота.

Она выдохнула — долгий, напряженный выдох. В этот момент мозг уловил звук. Звук, который разбудил ее.

Тиканье.

Кровь застыла в жилах Хэйли. Она повернулась лицом к столику. Телефон пропал, а на его месте, прямо на уровне глаз, стоял таймер-яйцо.

И он зазвонил.

Глава вторая

На следующее утро вся школа гудела о двух новостях: жестоком убийстве Хэйли Уайтхолл и выкрашенных в розовый цвет волосах Олли Ларссон.

— Неужели сейчас время обсуждать чьи-то волосы? — удивилась Макани.

— Это же Осборн, Небраска. — Ее друг Дэрби выпил последние капли холодного кофе с заправки. — Население — две тысячи шестьсот человек. Мальчик с розовыми волосами вызовет такой же переполох, как и смерть любимой ученицы.

Они смотрели через лобовое стекло машины Дэрби на другую сторону парковки, где стоял Олли, прислонившись к кирпичной стене администрации. Он читал книжку в мягкой обложке и намеренно игнорировал шепот и разговоры других учеников.

— Слышала, что ей перерезали горло в трех местах, — Макани замолчала. Окна машины были открыты, так что она понизила голос. — Надрезы сделали так, что лицо стало похоже на смайлик.

Соломинка выпала изо рта Дэрби.

— Это ужасно. Кто тебе это сказал?

Она смущенно пожала плечами.

— Просто слышала.

— О боже. А ведь день еще даже не начался.

В пассажирском окошке вдруг появилось вытянутое лицо с подведенными черным глазами:

— Ну а я слышала...

Макани подпрыгнула:

— Бог мой, Алекс.

— ...что это сделал Олли. И ее кровью выкрасил свои волосы.

Макани и Дэрби уставились на нее с разинутыми ртами.

— Шучу, естественно. — Она открыла заднюю дверь, забросила чехол с трубой и залезла внутрь. Машина была их местом для утренних встреч. — Но некоторые так говорят.

В шутке слишком много правды. Макани передернуло.

Алекс ударила по спинке сиденья Макани армейским ботинком ярко-синего цвета.

— Не могу поверить. Ты все еще равнодушна к нему, да?

К сожалению, да.

Конечно же, она не равнодушна к Олли.

С тех пор как Макани Янг приехала в Небраску, она не могла отвести от него глаз. Он, несомненно, был самым странно выглядящим парнем в «Осборн Хай». Но также и самым интересным. Олли был сексуально худощавым и с острыми скулами, которые напоминали Макани череп, — иллюзия, усиленная светлыми, почти невидимыми бровями. Он всегда носил темные джинсы и черные футболки. Серебряное кольцо — тонкий ободок в центре нижней губы — его единственное украшение. Всем своим видом он напоминал скелет. Макани склонила голову. Может быть, теперь меньше, когда его светлые волосы выкрашены в шокирующий ярко-розовый цвет.

— Помню, когда-то он нравился и тебе, — подколот Дэрби Алекс.

— Да, еще в восьмом классе. Пока не поняла, что он настоящий одиночка: не заинтересован в том, чтобы встречаться с кем-то из школы.

Осознав свои слова и, как ни странно, смутившись, Алекс скривилась:

— Прости, Макани.

Макани и Олли встречались прошлым летом. Вроде как. К счастью, только люди, сидящие в машине Дэрби, знали об этом.

— Все нормально, — вздохнула Макани, потому что легче было сказать это, чем признаться в обратном.

Об Олли ходило множество слухов: что он спал только с женщинами постарше, что он спал только с мужчинами постарше, что он продавал опиоидные препараты, украденные из полицейского участка брата, что однажды чуть не утонул в реке на мелководье. Что, когда его спасли, он оказался пьян в хлам и совершенно голый.

А их школа маленькая. Слухи ходили обо всех.

Макани была не так глупа, чтобы верить слухам, потому что даже самые правдивые из них никогда не рассказывали историю целиком. Именно по этой причине она избегала большую часть одноклассников — ради самосохранения. Увидев в Макани родственную душу, Дэрби и Алекс приняли ее в свой круг, когда ей пришлось переехать с Гавайев посреди одиннадцатого класса. Родители сражались друг с другом в ужасном бракоразводном процессе и отправили ее пожить с бабушкой «нормальной жизнью».

Нормальной жизнью. С бабушкой. Посреди ничего.

По крайней мере, такую историю Макани рассказывала друзьям. Как и в слухах, в ней было зернышко правды. Но только одно. Родители никогда не уделяли

ей много внимания, даже в лучшие времена, а когда случился тот инцидент на пляже, они только недавно расстались. После этого они больше не могли на нее смотреть. Да и она сама не могла себя выносить. Она заслужила изгнание.

На дворе стояла середина октября, и Макани провела в Осборне уже почти год. Сейчас она училась в выпускном классе, как и Дэрби с Алекс. Их общим интересом стал отсчет дней до окончания школы. Макани пока не знала, куда поедет дальше, но уж точно не собиралась оставаться здесь.

— Может, вернемся к главной теме? — спросил Дэрби. — Хэйли мертва. И никто не знает, кто ее убил, и это меня ужасно пугает.

— Я думала, тебе не нравится Хэйли, — сказала Алекс, завязывая свои крашенные черные волосы в сложную прическу, требующую множества крупных пластиковых заколок. В школе она больше всех походила на гота, если не считать Олли. Макани его и не считала.

Они оба были худыми и носили черную одежду, но Алекс вела себя сурово и агрессивно и требовала внимания к своей персоне, в то время как Олли был мягким и тихим, как ночное небо.

— Мне не нравилась Хэйли, — Дэрби засунул большие пальцы под подтяжки, которые носил вместе с клетчатой рубашкой и штанами. Он был невысоким, но крепким, а одевался как старый франт.

Дэрби родился девочкой, и, хотя его звали Джастин Дэрби, в девятом классе он начал позиционировать себя как мальчик. Если их школа осуждала парня с розовыми волосами, то Макани могла лишь представить, как долго они привыкали к «девочке», которая в действительности считала себя мальчиком.

Сейчас окружающие оставили Дэрби в покое, хотя все еще награждали косыми взглядами и отворачивались, проходя мимо.

— Я не знал ее, — продолжал Дэрби. — Но она казалась милой.

Алекс вставила в волосы заколку с изображением злобной Hello Kitty.

— Разве это не странно, что как только кто-то умирает, все становятся его лучшими друзьями?

Дэрби сморщился.

— Я этого не говорил.

Макани, как обычно, дала им время поперекаться, а потом спросила:

— Думаете, это сделал кто-то из ее родителей? Я слышала, что в таких случаях убийцей в конечном итоге оказывается член семьи.

— Или парень, — уточнил Дэрби. — Она с кем-то встречалась?

Макани и Алекс пожали плечами.

Все трое замолчали и уставились на проходящих мимо одноклассников.

— Это кошмар, — наконец сказал Дэрби. — Просто ужасно.

Макани и Алекс кивнули. Так и есть.

— Какой человек способен на такое? — спросил он.

Тошнотворная волна стыда прокатилась по телу Макани. Это не то же самое, напомнила она себе. Я не такая. Но когда прозвенел звонок, она выскочила из тесного хэтчбека, словно в этом была экстренная необходимость. Дэрби и Алекс заворчали, вылезая из машины, слишком занятые своими мрачными мыслями, чтобы заметить ее странное поведение. Макани выдохнула и поправила одежду, чтобы убедиться, что

выглядит прилично. В отличие от друзей, она могла похвастаться женственными формами.

— Может, это серийный убийца, — сказала Алекс, направляясь на первый урок. — Дальнобойщик, проезжающий через город! В наши дни водители грузовиков всегда оказываются серийными убийцами.

Макани с облегчением почувствовала, как к ней возвращается скептицизм:

— Кто это сказал?

— ФБР.

— Мой отец — водитель грузовика, — выпалил Дэрби.

Алекс ухмыльнулась.

— Перестань улыбаться, — прорычал он. — Или люди подумают, что это сделала ты.

К обеду дурацкая шутка Алекс о том, что послужило источником цвета волос Олли, распространилась по всей школе. Макани слышала, как несколько учеников шептались о его возможной вине, и разозлилась. Олли был, конечно же, аномалией. Но это не делало его убийцей. Более того, она никогда не видела, чтобы он разговаривал или даже смотрел на Хэйли Уайтхолл. Макани хорошо его изучила.

Она расстроилась, хоть и понимала, что слухи — всего лишь выдумка, созданная, чтобы отвлечь всех от страха неизвестного. Макани также подслушала компанию отличников, сплетничавших о Закари Лупе, школьном наркомане. Она не считала его виновным, но, по крайней мере, пусть лучше он будет подозреваемым. Закари — настоящий придурок, который даже с друзьями ведет себя отвратно.